

Цин Нин и Чу Вэй, терзаемые взаимными подозрениями из-за маленькой служанки, весь остаток дня провели в скрытом наблюдении. Цин Нин не сводил глаз с Чунь Сян, пытаясь разгадать её намерения, в то время как Чу Вэй пристально следил за каждым его движением.

К вечеру Цин Нин пришёл к выводу: преданность Чунь Сян граничила с фанатичным поклонением. Она предугадывала каждое желание хозяина, но в этом не было и тени романтики — лишь слепое обожание кумира.

Чу Вэй же сделал прямо противоположный вывод. Для него интерес Цин Нина к служанке стал неоспоримым фактом. Тот весь день то и дело бросал на девушку задумчивые взгляды, а иногда и вовсе едва заметно улыбался своим мыслям. «Если это не любовь, то что?» — мрачно размышлял наследник семьи Чу.

Весь вечер он просидел в тягостном молчании, не проронив ни слова. Даже когда Чунь Сян принесла горькое лекарство, он не поморщился, как обычно, а осушил чашу одним глотком и запил холодным чаем.

— Молодой господин, подать ли вам цукаты? — удивлённо спросила Чунь Сян.

Чу Вэй всегда старался быть вежливым и мягким, следуя строгому воспитанию, но сейчас раздражение копошилось в его груди, точно потревоженная змея. Даже если Цин Нин и Чунь Сян решат связать свои судьбы — это их право. Но от этой мысли на душе становилось тошно.

— Сегодня не нужно, — отрезал он, поджав губы.

— Молодой господин, вам нездоровится? — Чунь Сян обеспокоенно нахмурилась.

Чу Вэй украдкой взглянул на Цин Нина: тот, подперев подбородок ладонью, всё ещё задумчиво разглядывал девушку. Сдерживая горькую усмешку, он заставил себя улыбнуться:

— Всё в порядке. Ступай, вечером можешь не приходить — Цин Нин присмотрит за мной.

Чунь Сян, мгновенно решив, что этот выскочка снова крадёт у неё внимание хозяина, одарила Цин Нина ледяным взглядом. Тот лишь выпрямился, сохраняя на лице выражение полнейшей невинности.

Когда служанка ушла, в комнате воцарилась вязкая тишина. Чу Вэй пытался читать, но строчки расплывались перед глазами. Ему хотелось, чтобы Цин Нин обращал больше внимания на него, а не на какую-то девчонку.

— Как тебе Чунь Сян? — внезапно спросил он, когда они вышли прогуляться по галереям Резиденции Чу.

В голове Цин Нина мгновенно взвыла сирена тревоги. С чего бы это Чу Вэй заговорил о ней? Может, эта личность предпочитает женщин и он положил глаз на собственную служанку? Или, что ещё хуже, решил выступить в роли сводника?

— Она славная, — уклончиво ответил он.

— Славная... — эхом повторил Чу Вэй и замолчал.

Они долго бродили по извилистым коридорам, мимо восьмигранных павильонов и тихих прудов. Вечерний ветерок обдавал их прохладой, и вскоре Цин Нин, помня о слабом здоровье подопечного, настоял на возвращении в Чжэнфан.

У дверей их встретили охранники: Ванцай и молчаливый Ци Сань.

— Ступай, позови ко мне дядю Мэна, — распорядился Чу Вэй, обращаясь к Ци Саню.

Вскоре тот вернулся вместе с управляющим. Чу Вэй, потирая большой палец, произнёс тоном, не терпящим возражений:

— Подготовь всё. С завтрашнего дня Чунь Сян будет служить у Чу Вэйин.

Дядя Мэн изумлённо приподнял брови:

— Неужели девчонка в чём-то провинилась?

Чу Вэй мягко улыбнулся своей привычной маской:

— Вовсе нет. Она прекрасная работница. Просто за мной теперь есть кому присматривать, а у Чу Вэйин дел невпроворот. Пусть поможет ей.

Цин Нин про себя лишь хмыкнул. «Надо же, какая забота о Чунь Сян. Похоже, он и впрямь на неё запал». Уровень симпатии Чу Вэя к нему самому теперь казался лишь суррогатом братской привязанности. Неудивительно, что тот так легко прогнал его вчера, но не посмел даже пожуричь служанку.

Когда они остались одни, Цин Нин принялся заваривать фруктовый чай — от обычного Чу Вэй плохо спал.

— Тебе послаще или покрепче? — спросил он, смущённо покраснев под пристальным взглядом хозяина.

Чу Вэй невольно улыбнулся, глядя на его румянец:

— Пожалуй, послаще.

Ближе к девяти вечера Цин Нин, чувствуя прилив какой-то странной нежности к своему «брату по несчастью», спросил:

— Пора спать?

Чу Вэй удивился:

— Что-то случилось?

— Ничего, просто время позднее, тебе нужно отдыхать, — улыбнулся Цин Нин.

— Но я ещё не умылся и не парил ноги, — заметил Чу Вэй, не сводя с него весёлых глаз.

Цин Нин вздохнул. Забота о «брате» требовала жертв. Пришлось звать охранников с горячей водой. Он сам отжал полотенце и вытер лицо Чу Вэя, пока тот, притихнув, грел ноги в тазу.

Уложив подопечного, Цин Нин уже собрался уйти к себе в Сиэрфан, но Чу Вэй настоял, чтобы тот рассказал что-нибудь о своём прошлом. Пришлось на ходу сочинять небылицы, прежде чем удалось ускользнуть.

Ночь опустилась на поместье, тихая и душная. Цин Нин долго ворочался, обсуждая с Трит баллы доверия и уровень симпатии — они неожиданно перевалили за половину.

Внезапно в ночной тишине раздался едва уловимый скрип двери.

Цин Нин мгновенно подобрался. Он бесшумно сполз с кровати и, пригнувшись, подобрался к дверной занавеске.

В комнату кто-то скользнул — осторожная тень, едва различимая в полумраке. Незнакомец замер у ширмы, огляделся и медленно двинулся вглубь комнаты. В его руке тускло блеснула сталь кинжала.

Цель была ясна: Чу Вэй.

Цин Нин, не раздумывая, бросился наперерез. Мощный толчок сбил убийцу с ног, кинжал с лязгом отлетел в сторону. Чу Вэй мгновенно проснулся и щёлкнул выключателем.

Свет залил спальню. На полу, прижатый Цин Нином, извивался Ци Сань.

— Ци Сань? Ты с ума сошёл? — Чу Вэй нахмурился, не веря происходящему.

— Я не собирался тебя трогать, — прорычал охранник, в упор глядя на Цин Нина. — Но раз уж ты проснулся...

Внезапным рывком он сбросил с себя Цин Нина. Сила у предателя была недюжинная, но техники не хватало. Цин Нин извернулся, перехватил его шею ногами и, упершись рукой в пол, рывком зашёл за спину.

Ци Сань, ослеплённый яростью, дотянулся до оброненного кинжала и наотмашь полоснул назад, целясь в захватчика.

Чу Вэй широко раскрыл глаза. Он попытался что-то крикнуть, но голос сорвался. Секунду спустя комнату огласил его отчаянный рев:

— Людей сюда! Живо!

Цин Нин почувствовал резкий, обжигающий удар в живот. Боль ещё не пришла — лишь странный холод, растекающийся под ребрами. Не глядя вниз, он сильнее сжал горло Ци Саня:

— Не дёргайся, ублюдок, иначе придушу прямо здесь.

В комнату ворвались люди. Увидев лужу крови у ног Цин Нина, они на миг оцепенели, а затем скопом навалились на Ци Саня, заламывая ему руки.

— Врача! Скорее врача! — Чу Вэй, задыхаясь от кашля, бросился к Цин Нину. Он дрожал и был в ужасе.

Цин Нин чувствовал, как сознание начинает плыть. Боль, наконец, проснулась — тупая, пульсирующая.

— Да не суетись ты... не больно совсем, — пробормотал он, пытаясь изобразить подобие улыбки. Он протянул руку к рукояти кинжала, торчащей из живота, но едва пальцы коснулись металла, как из горла вырвался невольный вопль.

К чёрту героизм. Больно же, до крика больно!